

4. Синило, Г.В. Эльза Ласкер-Шюлер / Г.В. Синило // Литературный процесс в Германии первой половины XX века (ключевые и знаковые фигуры) / отв. ред. В. Д. Седельник, Т. В. Кудрявцева. – М.: ИМЛИ РАН, 2015. - С. 231-257.
5. Соловейчик, Я. Эльза Ласкер-Шюлер / [Электронный ресурс] / Я. Соловейчик. – Режим доступа: <https://www.stihi.ru/2013/11/13/1509>. - Заглавие с экрана.
6. Ханзен-Лёве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм начала века. Космическая символика. – Санкт-Петербург: Академический прехт, 2003. – 816 с.

А.Е. Трошина
Россия, г. Барнаул,
Алтайский государственный педагогический университет
Научный руководитель д.ф..н. Е. А. Худенко

ОБРАЗЫ СТАРЦЕВ В ПОЭЗИИ О.Э. МАНДЕЛЬШТАМА

Аннотация

В данной статье рассматриваются образы старцев в стихотворениях О. Э. Мандельштама, относящихся к разным периодам творчества. Образы разделены по разным группам, кроме того, рассмотрены связанные с образами старцев сквозные мотивы. Выявлены связи с литературными, библейскими претекстами. Актуальность данной работы – обращение к теме, которая мало изучена и разработана.

Ключевые слова: старец, патриарх, увядание, мотив, образ, угасание, старость.

Феномен долголетия интересует людей с давних пор. Согласно Библии, древние жили долгую жизнь. Так, Адам жил около 130 лет, Сиф -105 лет, Енос-90 лет, Моисей жил 80 лет, а Аарон - 83 года. Это явление отмечалось в искусстве по-разному, нашло свой отклик оно и в творчестве О.Э. Мандельштама. Нас будут интересовать созданные поэтом образы старцев, сопутствующие им атрибуты, мотивы, связанные с увяданием, старением.

Стихотворение «*Мне стало страшно жизнь отжить*» [6, с. 54] относится к ранней лирике О.Э. Мандельштама (написано не позднее 5 августа 1910 года), однако мотив увядания звучит с первых же строк: «...жизнь отжить». Это вовсе не старость, синонимом которой будет слово «мудрость», это еще юношеское восприятие завершения человеческой жизни. До дрожи в

сердце лирическое «я» поэта доводят думы о конце, ему «страшно» «жизнь отжить», «никого не полюбить», «камнем кануть». Первый терцет построен на параллелизме, очевидно, что для Мандельштама все эти явления находятся в одной плоскости, все они взаимосвязаны, исчезновение одного элемента повлечет за собой разрушение всей системы.

Страх связан прежде всего с метафорой «исчезнуть в пустоте». Во втором терцете отчетливо звучат религиозные мотивы - «крест», «живая душа», называется имя ветхозаветного старца Моисея. «Я» поэта сравнивает себя с ним, проводит параллель. Как известно, Моисей - избавитель израильского народа от власти египетского фараона, его же устами говорил Бог. Что может означать стих: «Исчезнуть в облаке Синая»? Синай - это гора, на которой Моисей получил от Бога десять заповедей: «И сказал Господь Моисею: вот Я приду к тебе в густом облаке, дабы слышал народ, как я буду говорить с тобою, и поверил тебе навсегда», «... были громы и молнии, и густое облако над горою [Синайскою], и трубный звук весьма сильный; и вострепетал весь народ, бывший в стане» [2, с. 73]. Для лирического «я» Мандельштама очутиться в «облаке Синая» значит - приблизиться к Богу, подобно старцу Моисею, изречь новые истины.

Лирическое «я» растворяется во всем окружающем, опознает мир уже не столько органами чувств - зрением, слухом, осязанием, обонянием - сколько ощущает его на интуитивном уровне: «...содроганья теплых птиц / Улавливаю через сети», ему становится доступно существование вне времени и пространства: «...и с истлевающих страниц / Притягиваю прах столетий». Звучит мотив повелевания временем: рядом оказываются и прошлое (истлевание), и настоящее («содроганья...птиц»), и будущее («бытия узорный дым»), а «я» в стихотворении выступает связующей нитью между всеми этими временами, герой может существовать в любом из них.

Стихотворением, в котором прочно слились мотивы угасающей жизни и подразумеваются образы старцев, отражены их атрибуты - посох, трость - является стихотворение 1915 года «Уничтожает пламень» [6, с. 112].

Жизнь в этом тексте Мандельштама «суха», она оказывается в одном ряду с такими вещами, как «дерево», «камень», «огонь». «Пламень» - это неумолимое время, «сухая жизнь» - жизнь, не наполненная эмоциями. Но если присмотреться к первому катрену повнимательнее, то можно обнаружить явное звучание религиозных мотивов: лирическое «я», подобно Иисусу Христу, добровольно принимает «уничтожение» его жизни, не сопротивляется, не бунтует, просто сообщает об этом. Мотив рыболовства, который начинает звучать во втором катрене, тоже отсылает нас к фигуре Христа. Согласно Новому Завету, некоторые из учеников Христа были рыболовами, он сам называет их «ловцами человеков», а Царствие Небесное уподобляется «неводу, закинутому в море и захватившего рыб всякого рода». Такое сравнение встречается не только в Новом завете, например, Климент Александрийский в своем «Гимне Христу» так пишет:

Спаситель, Иисусе,
Пастырь, Пахарь,
Кормило, Узда,
Крыло небесное святого стада!
Ловец человеков,
Спасаемых
Из моря нечестия! [1, с 289]

Конечно, «дерево», которое перетекает в образ «рыбака», наводит на мысль не только об одном Иисусе Христе. Апостол Петр, который прежде именовался Симоном, было сыном рыбака Ионы из Вифсаиды Галилейской. Призван он был Христом за рыбной ловлей на Геннисаретском озере. Образы камня и дерева, отраженные Мандельштамом, вступают в тесную связь, ибо как раз имя Апостола Петра означает «камень», так как он первый решительно исповедовал Иисуса Христа как Мессию.

Другой взгляд на словосочетание «...и нынче я не камень, а дерево пою» тоже возможен. Камень, как отмечает О. Ронен в своей работе «Поэтика Мандельштама», «...в семантике Мандельштама...принадлежит не только к полям прекрасное, тяжелое, но и к полю острое» [7, с. 16]. Получается, поэт отказывается «петь» не только прекрасное в человеческой жизни, но и все тяжелое, сложное, трагическое, он выбирает «легкое» и «грубое» дерево, из которого состоит множество окружающих вещей.

Значение последнего катрена раздваивается: во-первых, изображенный процесс строительства может отсылать к еще одному библейскому сюжету - постройке Вавилонской башни, а голос лирического «я» звучит как благословение на эту деятельность («Вбивайте крепче сваи / Стучите молотки»), второе же значение будет связано с еще одним старцем - Ноем. Процесс строительства образно перекликается с постройкой Ноева ковчега, причем следует заметить, что сооружен он был тоже из дерева: «...сделай себе ковчег из дерева гофер; отделения сделай в ковчеге и осмоли их смолою» [2, с. 15]. Поэтому в предпоследней строчке и звучат слова именно о «деревянном» рае, получается, что пространство Ноева ковчега - это и есть Рай, в котором процветает мир и благодать.

Обращения Мандельштама к любимой античности весьма частотны в его стихотворениях. Так, образ старца Приама можно обнаружить в одном из них - «*За то, что я руки твои не сумел удержать*» [6, с. 150] (1920). Эсхатологические нотки пронизывают все стихотворение от начала и до самого конца. Лирическое «я» поэта словно предвидит трагическую развязку: «Еще не рассеялся мрак и петух не пропел, / Еще в древесину горячий топор не врезался». Город в предчувствии своей кончины оживает: «Прозрачной смолой на стенах проступила смола / И чувствует город свои деревянные ребра». Однако спастись ему не удастся: «...хлынула к перилам кровь».

Сквозь трагические строчки все ближе к финалу стихотворения проявляется образ царя Трои - Приама: «Где милая Троя? Где царский, где

девичий дом? / Он будет разрушен, высокий Приамов скворешник». Царь-старец не препятствует разрушению города, он словно наблюдает действие непререкаемого рока.

Исследователь Л.С. Клейн в своей работе «Бесплотные герои» замечает, что «...только в конце поэмы он [Приам] предпринимает ряд действий, вносящих существенные перемены в ситуацию» [4, с. 112]. Мандельштам не изменяет образ старца, оставляет его таким, каким он показан в поэме Гомера «Илиада». Причем, следует заметить, что «во всем Троянском цикле роль Приама не очень ясна» [4, с. 113], а в стихотворении Мандельштама это подчеркивается пассивностью старца.

«Литературным» старцем у Мандельштама предстает Г.Р. Державин. Его имя упоминается в «*Стихах о русской поэзии*» [6, с. 66] (1932). Лирическое «я» нисколько не смущает величественная фигура поэта XVIII века, «благословителя» новых поколений (вспомним у А.С. Пушкина в «Евгении Онегине»: «Старик Державин нас заметил / И, в гроб сходя, благословил» [7, с. 156]), он обращается к нему свободно, вольготно: «Сядь, Державин, развалился». В одном стихе точно указано место Державина на «поэтическом Олимпе» - он над всеми поэтами, поэтому и может позволить себе «развалиться». Образ мудреца приобретает у Мандельштама налет свежести, юности: «Ты у нас хитрее лиса», отсюда возникает мотив восприятия старости как возвращения к детству.

Мотив патриаршества отчетливо звучит в стихотворении «*Ламарк*» [6, с. 61] (1932). Оно отсылает нас к видной фигуре XVIII века Жану Батисту Ламарку, основоположнику первой эволюционной теории. В ее основе ступенчатость или уровневость: все животные поделены на группы и расположены по степени своего развития, причем, каждому присуще движение от простого к сложному, развитие, перемещение от нижних уровней к верхним.

В стихотворении Мандельштама Ламарк охарактеризован точно и лаконично: «неуклюжий, робкий патриарх». Поэт не себя отождествляет с патриархом, а выводит дополнительную фигуру. Ламарк выступает для лирического «я» проводником в мир эволюции, таким, каким был Вергилий в «Божественной комедии» Данте. Происходит градация от человеческого существования к существованию в форме простейшего существа: «К кольцедам спущусь и к усоногим». Но у Данте «опускание» в Ад было устрашающим процессом: «Земную жизнь пройдя до половины, / Я очутился в сумрачном лесу...», «...так горек он, что смерть едва ль не слаще» [3, с. 4]. У Мандельштама же это желанная процедура, освобождающая, возвращающая к первоистокам: «Роговую мантию надену / От горячей крови откажусь». Это делает человека счастливым, свободным от страстей и страданий, душу делает вечной, возвращает ее в ее исконное состояние, возвышает над пространством и временем: «...в пену/ Океана завитком вопьюсь».

Условно можно разделить стихотворение на две части: в первой – Ламарк - это мудрый старец, «за честь природы фехтовальщик», а во второй

части его фигура отождествляется с фигурой Бога. Ламарк всевидящ и всемогущ. Он знает все, может управлять миром: «природа вся в разломах». Он совершает трансформацию: «...зренья нет - ты зришь в последний раз», «довольно полнозвучья...наступает глухота паучья». Существование человека упрощается, его устройство становится примитивнее. «Чудесное» превращение человека можно вспомнить и в стихотворении А.С. Пушкина «Пророк»: «...отверзлись вещие зеницы...», «...моих ушей коснулся он, / И их наполнил шум и звон»[8, с. 146]. Однако у Пушкина это превращение великое, пугающее, рвущееся вверх, доходящее даже до катарсиса, у Мандельштама это упрощение, которое может дойти как до освобождения, так и до полного разочарования: «...и от нас природа отступила / Так, как будто мы ей не нужны».

По воспоминаниям Н. Я. Мандельштам, О.Э Мандельштам изобразил не просто падение человека, а полное его растворение: «это уже не отщепенство и изоляция от реальной жизни, а страшное падение живых существ, которые забыли Моцарта и отказались от всего (мозг, зрение, слух) в этом царстве паучьей глухоты. Все страшно, как обратный биологический процесс» [5, с. 170-171].

Итак, образ старца, патриарха получает у О.Э. Мандельштама широкое развитие: это и литературный старец, и мудрые старцы Библии, и мотивы, связанные с ними (посох, пророчества и др.). С течением времени эти образы и мотивы усложняются, усложняются, становятся сложнее и глубже – динамика развития этого образа позволит рассмотреть изменения в художественной системе поэта в целом.

Список литературы

1. Александрийский, Климент. Педагог / Климент. Александрийский. —: Учебно-информационный экуменический центр ап. Павла, 1996. — 292 с.
2. Библия: книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета: канонические: в русском переводе с параллельными местами и приложением. — Барнаул: День, 1999. — 1024 с.
3. Данте А. Божественная комедия / Пер.с итал. М. Лозинского. СПб. : Кристалл: Респекс, 1999. — 703 с.
4. Клейн Л.С. Бесплотные герои: Происхождение образов Илиады. СПб.: Художественная литература, 1992. — 192 с., ил.
5. Мандельштам Н. Я. Воспоминания. Книга третья. УМСА-Press ,1987.
6. Мандельштам, О. Э. О. Мандельштам. Собрание сочинений в четырех томах / О. Э. Мандельштам. — М. : АРТ-БИЗНЕС-ЦЕНТР, 1993 – 1999.
7. Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10 т. Т. 4. М.: ГИХЛ, 1959—1962.
8. Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10 т. Т. 2. М.: ГИХЛ, 1959—1962.
9. Ронен О. Поэтика Осипа Мандельштама. СПб.: Гиперион, 2002. — 240 с.